

TECHNOLOGIES FOR THE FORMATION OF A NEW WORLD ORDER DURING THE “INTERREGNUM” PERIOD: ON THE ISSUE OF THE FORMATION OF NEW ELITE ZONES AND TERRITORIES OF DISINTEGRATION (THE CASE OF THE GREATER MEDITERRANEAN)

Arsen V. Gukasov (a), Gennady V. Kovsov (b)

(a) Pyatigorsk State University. Russia, Pyatigorsk. E-mail: arsen_gukasov[at]yahoo.com
ORCID 0000-0001-6873-1537

(b) Sevastopol State University. Russia, Sevastopol. E-mail: kossov1[at]yandex.ru
ORCID 0000-0002-1422-895X

Abstract

The authors are developing Z. Bauman's concept of the formation of elite zones as a manifestation of globalization, substantiate the idea that this process is substantiated not only by globalization trends, but also by de-globalization, regionalization, integration, disintegration, transnationalization, etc. as simultaneously occurring processes. These seemingly mutually exclusive processes exist at different levels of the world system, making it currently poorly predictable. The uniqueness of these processes leads to a dysfunctional existence of traditional institutions, gives rise to an inter-regnum situation, which, in turn, exacerbates the struggle of global, regional state and actors outside of sovereignty to create new / retain old elite zones, which entails designing / maintaining the functioning of decay territories. The authors analyze the technologies of reformatting the world political system in order to maintain the functioning of new / old elite zones of the world system by creating / expanding / maintaining the functioning of new or already existing disintegration territories. The elitological analysis of this work consists in the development of Z. Bauman's concept of the formation of elite zones in the modern globalizing, dysfunctional world.

Key words

dynamics of political processes; regional system; large space; world political system; The Great Mediterranean; world order; "Interregnum"; "Flexibility"; elite zone; territory of decay.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](#)

ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА В ПЕРИОД «INTERREGNUM»: К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ЭЛИТАРНЫХ ЗОН И ТЕРРИТОРИЙ РАСПАДА (КЕЙС БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ)

Гукасов Арсен Вячеславович (а), Косов Геннадий Владимирович (б)

(а) Пятигорский государственный университет. Пятигорск, Россия.
E-mail: arsen_gukasov[at]yahoo.com ORCID 0000-0001-6873-1537

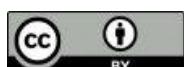
(б) Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.
E-mail: kossov1[at]yandex.ru ORCID 0000-0002-1422-895X

Аннотация

В статье авторы, развивая концепцию З.Баумана о формировании элитарных зон как проявление глобализации, обосновывают мысль, что этот процесс обоснован не только глобализационными тенденциями, но и деглобализацией, регионализацией, интеграцией, дезинтеграцией, транснационализацией и т.п. как одновременно протекающими процессами. Эти, казалось бы, взаимно исключающие процессы, существуют на разных уровнях мировой системы, делая ее в настоящее время слабопрогнозируемой. Одновременность протекания означенных процессов приводит к дисфункциональному существованию традиционных институтов, порождает ситуацию interregnum, что, в свою очередь, обостряет борьбу глобальных, региональных государственных и акторов вне суверенитета на создание новых / удержание старых элитарных зон, что влечет за собой конструирование / поддержание функционирования территорий распада. Авторы анализируют технологии переформатирования мировой политической системы с целью поддержания функционирования новых/старых элитарных зон мировой системы за счет создания/расширения/ поддержания функционирования новых или уже существующих территорий распада. Элитологический анализ настоящей работы заключается в развитии концепции З. Баумана о формировании элитарных зон в современном глобализирующемся, дисфункциональном мире.

Ключевые слова

динамика политических процессов; региональная система; большое пространство; мировая политическая система; Большое Средиземноморье; мировой порядок; «interregnum»; «flexibility»; элитарная зона; территория распада.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](#)

ВВЕДЕНИЕ. ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Каждый раз, приступая к анализу динамики политических процессов, происходящих как внутри вполне «устоявшихся» регионов мира, так и в рамках относительно недавно «сконструированных» больших пространств, неизменно возникает вопрос о выборе отправной точки исследования. В попытках изучить ту или иную региональную подсистему исследователи иногда настолько увлекаемся анализом сложных по своей природе и специфике внутрирегиональных связей и отношений, определением внутрирегиональных государств-лидеров, партнеров и сателлитов, выявлением интересов основных внерегиональных стейкхолдеров, что может возникнуть ситуация, при которой из исследовательского поля зрения выпадает глобальный контекст.

Если исходить из того, что различные регионы мира, точно так же как и разнообразные большие пространства, являются территориальными подсистемами современной мировой политической системы, то можно выявить достаточно простую зависимость: глобальный контекст оказывает определяющее воздействие на специфику региональных политических процессов. Что касается самого глобального контекста, то он формируется под влиянием процессов, происходящих в современной системе международных отношений, проблем, существующих в ее рамках, структуры и характера взаимодействий между основными центрами силы, сложившимися в ее пределах.

С большой долей вероятности ни у кого не вызовет сомнения тот факт, что мировая политическая система в настоящий момент претерпевает значительные трансформации. Однако вопросы, связанные с выявлением определяющих трендов глобального развития, становятся предметом оживленных дискуссий, которые зачастую приводят к формированию совершенно полярных взглядов и подходов. Для подтверждения данного тезиса достаточно обратить внимание на то обстоятельство, что среди ведущих специалистов, занимающихся анализом происходящих глобальных трансформаций, отсутствует консенсус относительно понимания сущности, природы и конфигурации современной системы международных отношений. В то же самое время одной из немногих позиций, по которой они сходятся в мнении, является понимание того, что современный мир кардинальным образом изменился, став более сложным и менее предсказуемым. Но при этом он остался разделенным на элитарные зоны, территории национальные / транснациональные, на которых сконцентрировано управление

мировыми политическими, экономическими и социальными процессами.

Характеризуя современность З. Бауман говорит о «нарастающей пространственной сегрегации, отделении и отчуждении» (Бауман, 2004, стр.11). Причем, эта сегрегация, формирование зон распада и концентрация мета-власти (Бек, 2012), как многоуровневый и взаимосвязанный процесс, происходит как в рамках старых, так и новых пространств.

Говоря о формировании элитарных зон, З. Бауман пишет, что «центры, где вырабатываются смыслы и формируются ценности, сегодня экстерриториальны и свободны от местных ограничений - впрочем, это не относится к состоянию самого человека, которого эти идеи и ценности призваны наполнять содержанием» (Бауман, 2004, стр. 11-12). Это, в свою очередь, «усиливает нарушение связей между все более глобализованными, экстерриториальными элитами и остальным населением, «локализация» которого постоянно усиливается» (Бауман, 2004, стр.11-12).

МЕТОДОЛОГИЯ

Актуальность данной проблемы определяет в качестве ее объекта мировой порядок в ситуации «*inrerregnum*», а в качестве предмета – анализ технологий переформатирования мировой политической системы с целью поддержания функционирования новых/старых элитарных зон мировой системы за счет создания/расширения/ поддержания функционирования новых или уже существующих территорий распада.

Задача настоящего исследования - выявить основные тенденции, присущие современному этапу развития мировой политической системы, описать технологии формирования нового мирового порядка в период «*interregnum*», на основе кейса Большого Средиземноморья доказать, что выявленные тенденции не только плод теоретических размышлений, но и оформленная в конкретном большом пространстве реальность.

В качестве рабочей гипотезы нами выдвигается тезис о том, что стохастичность, непредсказуемость и неопределенность являются признаками «кроличьей норы» современных международных отношений. В этой ситуации за неимением иных институтов процесс управления мировой политической системой осуществляется за счет использования старых, что неизбежно влечет за собой инструменталь-

ный кризис и, как следствие, кризис глобального управления. Появляются технологии по формированию нового мирового порядка.

Такие, как искусственное формирование новых больших пространств, разрушающих старую ткань мирового порядка, делящих мир на новые зоны влияния, выводя, посредством включения в новые большие пространства произвольных территорий, тех или иных государств/регионов из-под влияния традиционных доминантов, является одной из технологий формирования нового мирового порядка, создание новых элитарных зон и территорий распада; формирование на потенциальной территории распада «флибустьерского» государства, которое, по сути, имеет все атрибуты государственности; экономические/финансовые санкции вкупе с монетарной политикой; политизация религии и десекуляризация общества; «экологический империализм».

Адекватное понимание происходящих в мировом пространстве процессов, тем более в ситуации кризиса существующей инструментальной базы современного мирового порядка, невозможно без использования институционального метода исследования. Альтернативные сценарии глобализации («мацдонализация», «исламизация», «китайизация») и борьба государственных и негосударственных акторов за создание/поддержание функционирования новых/старых элитарные зоны и территорий распада предполагают использование авторским коллективом методы компаративистики.

Среди множества работ, посвященных данной проблематике, выделим, на наш взгляд, наиболее интересные труды З. Баумана (Бауман 2008), Ф. Закарии (Закария, 2009), Г. Киссинджера (Киссинджер, 2017), Р. Купера (Купер, 2010), Д. Муази (Муази, 2010), Р. Хаасса (Хаас, 2019), С. Хантингтона (Хантингтон, 2003), П.А. Цыганкова (Цыганков, 2014).

Элитологический анализ настоящей работы заключается в развитии концепции З. Баумана о формировании элитарных зон в современном глобализирующемся, дисфункциональном мире.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ЧЕРТ

Не умаляя достоинств других выдающихся ученых, именно З. Бауману удалось наиболее точно выявить ряд тенденций, присущих современному этапу развития мировой политической системы, равно как и объяснить причины их возникновения. В качестве одной из та-

ких тенденций выступает ненаправленность перемен, которая, по его мнению, является важнейшей отличительной чертой современности (Бауман, 2011). В результате невероятно трудно дать ответ на вопрос о том, имеется ли у происходящих перемен какое-либо заранее определенное направление.

Если мы попытаемся осмыслить основные процессы, определяющие характер современных международных отношений, то сможем выявить следующую особенность: несмотря на то, что они происходят в один и тот же временной период, одни развиваются параллельно, не пересекаясь друг с другом, другие пересекаются, периодически вступая в определенные виды взаимодействий, а некоторые, по большому счету, носят взаимоисключающий характер. Речь идет о таких процессах, как глобализация, деглобализация и регионализация, интеграция и дезинтеграция, транснационализация и т.д. Как следствие, сегодня достаточно сложно понять, по какому пути движется мировая политическая система, и спрогнозировать, куда в итоге этот путь приведет. Несомненно, это один из немаловажных индикаторов, который служит подтверждением тезиса о ненаправленности перемен как отличительной черты современного этапа мирового политического развития.

Рассуждая о специфических характеристиках современности, З. Бауман использует категорию «*interregnum*» (Бауман, 2011). По его мнению, современный мировой порядок находится в «периоде *interregnum*, состоянии неуверенности, будущее непредвиденно» (Бауман, 2011). *Interregnum* – это состояние, когда «старое уже не работает, а новое еще не народилось. Или народилось, но мы его еще не замечаем, потому что этот новорожденный скучит так тихо, что мы его не слышим» (Бауман, 2011).

Многие читали «Алису в стране чудес» Л. Кэрролла и представляли, как вместе с ней падали в кроличью нору. Мы считаем, что по аналогии с кэрролловским сюжетом можно говорить о таких признаках «кроличьей норы» современных международных отношений как стохастичность, непредсказуемость и неопределенность, что, по сути, созвучно с баумановским пониманием *interregnum* (Бауман, 2011). Данная категория очень точно передает суть «переходного периода», наступившего после разрушения биполярной системы международных отношений и продолжающегося по сей день.

Существует множество подходов к пониманию сущности такого явления как мировой порядок. Наиболее часто авторы выстраивают свои концепции мирового порядка вокруг принципов институционализма (Ikenberry, 2011; 2019), структурализма или нормативизма (Bull, 2002).

Так, сторонники первого институционального подхода к пониманию сущности мирового порядка делают акцент на «совокупности правил и институтов, определяющих и управляющих отношениями между акторами мировой политики» (Емузова, 2020, стр. 28).

Нормативизм в понимании мирового порядка опирается на наличие доминирующей (определенной) воли при условии того, что все остальные акторы мирового процесса находятся у него в зависимости, в подчинённости (Bull, 2002).

С точки зрения сторонников структурализма мировой порядок представляет некую иерархию, основанную на степени доступности и обладанием властными ресурсами центров силы. Причем, это может быть не один, а несколько центров с обладанием ресурсами такого уровня, что у них есть те, которые позволяют не только воздействовать, но и доминировать в мировых процессах, определяя правила поведения как государственных акторов, так и акторов вне суверенитета (Mearsheimer, 2018).

Не втягиваясь в полемику о сущности мирового порядка, отметим, что мы будем рассматривать его как свод «правил игры» в глобальном мире, конфигурацию зон влияния традиционных и новых акторов. Причем, эта конфигурация не является линейно-плоской, а объемной и многоуровневой. В ситуации отсутствия возможности для полноценного сотрудничества, как основы выстраивания миропорядка, объемность и многоуровневость формирующемуся новому мировому порядку придает, во-первых, фрагментарная кооперация. Так, например, сотрудничество в сфере борьбы с пандемиями может выступить точкой пересечения международных интересов и явиться своеобразной точкой «сборки» нового мирового порядка. Во-вторых, инверсивность политико-экономических факторов внешней политики современных государств, то есть постепенное вытеснение экономической выгоды от принимаемых внешнеполитических решений политическими «бонусами».

Если мы обратим внимание на основные международные институты, призванные регулировать чрезвычайно сложный комплекс отношений в глобальном масштабе, то сможем обнаружить, что они создавались в рамках bipolarной системы и учитывали ее специфику. Данное обстоятельство не могло не привести к тому, что большинство из них устарело и не отвечает современным реалиям. Таким образом, за неимением иных институтов, процесс управления мировой политической системой осуществляется за счет использования старых, что неизбежно влечет за собой инструментальный кризис и, как следствие, кризис глобального управления.

Очевидно, что кардинальные изменения, произошедшие в рамках системы международных отношений, и неразрывно связанная с ними несоизмеримость целей/задач, которые стоят перед государствами, и средств/инструментов, которыми они располагают, не могли не отразиться на их внешнеполитическом поведении. Все это привело к тому, что сегодня государства проявляют максимальную гибкость и стараются не принимать на себя долгосрочные обязательства, поскольку последние могут выступать в качестве ограничений в постоянно меняющемся мире. Для описания подобной стратегии поведения З. Бауман использовал термин «flexibility» (Бауман, 2011).

Важно отметить, что следствием происходящих глобальных трансформаций является то, что в современном мире, с одной стороны, все большую популярность приобретают «гибкие альянсы» или «коалиции adhoc», поскольку они демонстрируют достаточно высокую степень устойчивости, а с другой – наблюдается кризис большинства «жестких альянсов». Очевидно, сложившаяся ситуация порождает для государств ряд вызовов и угроз, однако, как это зачастую и бывает, она также открывает перед ними определенные возможности.

ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА КАК ОТРАЖЕНИЕ БОРЬБЫ ЗА ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ / УДЕРЖАНИЕ СТАРЫХ ЭЛИТАРНЫХ ЗОН

Исходя из того, что новый мировой порядок находится на стадии формирования, более того, происходит столкновение его нескольких сценариев, уместно рассмотреть технологии формирования нового миропорядка, а затем, в дальнейших работах, механизмы его поддержания.

Рассмотрим ниже технологии переформатирования мировой политической системы с целью поддержания функционирования новых/старых элитарных зон мировой системы за счет создания/расширения/ поддержания функционирования новых или уже существующих территорий распада.

Сегодня мы наблюдаем реактуализацию идеи больших пространств, хотя различные аспекты данного концепта в том или ином виде разрабатывались еще в работах классиков геополитики (Ф. Ратцеля, Ф. Наумана, К. Хаусхофера, К. Шмитта, Х. Маккинdera и др.). Возможно, современные большие пространства (Трансатлантическое пространство, Большой Ближний Восток, Большое Средиземноморье и пр.), с одной стороны, является своеобразным «вызовом» традици-

онному географическому делению мира. Они приобретают все большее значение, поскольку в современных условиях перед государствами остро стоит проблема нахождения новых ответов на новые вопросы геополитического, геостратегического и геоэкономического характера. А с другой стороны, можно говорить о том, что формирование больших пространств является технологией формирования и поддержания нового мирового порядка.

Так, искусственное формирование новых больших пространств, разрушающих старую ткань мирового порядка, делящих мир на новые зоны влияния, выводя, посредством включения в новые большие пространства произвольных территорий, тех или иных государств/регионов из-под влияния традиционных доминантов, является одной из технологий формирования нового мирового порядка, созданием новых элитарных зон и территорий распада (Маркелов, & Головин, 2020).

Вторая технология переустройства мира была апробирована на Ближнем Востоке и связана она с формированием в регионе «флибустьерского» государства, которое, по сути, имеет все атрибуты государственности: валюта, налоги, аппарат принуждения, законодательная и судебная система, социально-ориентированный блок. ИГИЛ как раз и явилось результатом технологий международной инженерии по трансформации мироустройства. Представляется, что отработанные на Ближнем Востоке технологии могут быть перенесены в любой регион. К тому же, территория Европы, с ее множеством противоречий, является основным претендентом на продолжение эксперимента по обкатке подобной технологии преобразования мира.

Кроме этого, экономические/финансовые санкции и монетарная политика глобальных и региональных игроков также можно рассматривать в контексте технологий формирования нового мирового порядка. Успешно снижаются разработкой данной идеи такие исследователи как Э.А. Емузова, Н. Ю. Шлюндт (Емузова, 2018; Шлюндт, & Емузова, 2019).

Еще одной технологией формирования нового миропорядка является политизация религии и десекуляризация общества (Косов и др. 2014).

Следующую технологию формирования нового мирового порядка можно условно назвать «экологический империализм». Принимая во внимание позицию А.Кросби, П. Дриссена, мы рассматриваем экоимпериализм как специфическую технологию, используемую элитами «центра» по отношению элит «периферии» для минимизации их конкурентных преимуществ, основанную на трансляции в перифе-

рийные страны зеленых технологий вчерашнего дня. А также ограничение потенциала их развития экологическим дискурсом, использованием международных неправительственных организаций экологической направленности для «блокирования экономической деятельности конкурентов» (Crosby, 1978; Driessen, P. 2003; Косов, 2006).

«ИНТРОВЕРТИЗМ» КАК ЧЕРТА СОВРЕМЕННЫХ МИРОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Учитывая характер и динамику современного мирового политического развития, можно пойти еще дальше и попытаться взглянуть на проблему формирования внешнеполитических стратегий современных государств сквозь призму введенных К. Юнгом категорий «интроверсия/экстраверсия». Сегодня поведение многих государств-лидеров, которым всегда были присущи глобальные цели и интересы, можно охарактеризовать как «политический интровертизм», в рамках которого явный приоритет отдается решению задач, лежащих во внутривнешней политической плоскости, с неизбежным сокращением глобальной компоненты во внешней политике.

В данном контексте наиболее ярким примером будет являться «неоизоляционистская» линия стратегического поведения Д. Трампа, значительно отличающаяся от традиционно глобально ориентированной политики его предшественников. В этом смысле Д. Трампа можно назвать своего рода трендсеттером. Тем не менее, подобные изменения в той или иной степени можно наблюдать в стратегиях внешнеполитического поведения большинства ведущих государств.

В попытках найти ответ на вопрос о том, с чем связаны такие перемены, можно обнаружить достаточно простую и вполне объяснимую логику: на современном этапе происходит ослабление государства как политического института. Этому есть целый ряд причин: от специфики происходящих глобальных трансформаций до повышения роли разнообразных «акторов вне суверенитета». Достаточно упомянуть, что сегодня государства находятся в состоянии перманентного «стресс-теста», поскольку сталкиваются с большим количеством вновь возникающих нетипичных экстернальных и интернальных вызовов и угроз, а также вынуждены постоянно реагировать на изменения, происходящие с невероятно высокой скоростью в рамках международно-политической системы. Таким образом, задачи, связанные с обеспечением институциональной устойчивости, приобретают в современных реалиях чрезвычайно важное значение. Особенно ярко это проявилось в период COVID-ассоциированного «политического

локдауна», обнажившего и обострившего целый комплекс проблем и противоречий внутриполитического характера и, как следствие, ускорившего переход к политике «интровертизма».

В этой связи необходимо сделать две оговорки. Во-первых, упомянутый выше «политический карантин» не породил каких-то качественно новых тенденций мирового развития, однако он повлиял на динамику протекания политических процессов в глобальном, региональном и внутригосударственном измерениях. Во-вторых, «политический интровертизм» не нужно воспринимать в каких-либо ультимативных формах. Подобная линия политического поведения ни в коем случае не означает полный отказ от амбиций и устремлений в глобальном масштабе. Тем более речь не идет о каких-либо формах автаркии. Несомненно, государства-лидеры как преследовали, так и будут продолжать преследовать глобальные цели. Как уже было сказано выше, о «политическом интровертизме» можно говорить тогда, когда государства сознательно сокращают глобальную компоненту, уделяя первоочередное внимание внутриполитической повестке. В каком-то смысле данный феномен можно рассматривать сквозь призму горчаковского «сосредоточения».

В любом случае формирующаяся ситуация является достаточно парадоксальной. Несомненно, современный мир становится все более взаимосвязанным и взаимозависимым, в рамках которого особенно остро ощущается проблема, связанная с отсутствием адекватных современным реалиям средств/инструментов управления глобальными процессами.

Казалось бы, оставаясь наиболее влиятельным актором из всего спектра акторов международных отношений, а также осознавая риски, являющиеся следствием хаотичного характера происходящих глобальных трансформаций, именно государства (в первую очередь речь идет о ведущих государствах) в сложившихся условиях должны определить магистральное направление глобального развития и взять на себя ответственность за обеспечение движения мировой политической системы по данному направлению.

Тем не менее, реальность такова, что государства-лидеры, с одной стороны, зачастуюне могут найти «область согласия» и «область компромиссов», ввиду разной природы интересов и наличия разногласий в подходах, а с другой – переходят в достаточно опасный с точки зрения долгосрочных последствий режим «саморефлексии», откладывая решение назревших глобальных проблем в долгий ящик. Если в краткосрочной перспективе подобное «сосредоточение» может принести определенные дивиденды, то в отдаленной перспективе от-

сутствие ответов на глобальные вопросы приведет к еще более серьезным последствиям. Причем здесь будет проявляться предельно простая закономерность: чем дольше глобальные проблемы будут оставаться неразрешенными, тем сложнее будет справиться с их последствиями.

В самом начале мы определились с тем, что глобальный контекст оказывает определяющее воздействие на динамику политических процессов, происходящих в территориальных подсистемах мировой политической системы. Как следствие, может возникнуть вполне логичный вопрос о том, какой характер в сложившихся международно-политических условиях будут принимать региональные политические процессы в отдельно взятой территориальной подсистеме. В этой связи можно попытаться проанализировать некоторые особенности протекания политических процессов в Большом Средиземноморье, которое является достаточно сложной по своей структуре и специфике геополитической конструкцией, включающей кардинальным образом отличающиеся друг от друга регионы и государства.

США И ЕВРОСОЮЗ КАК ГЛОБАЛЬНЫЕ СТЕЙКХОЛДЕРЫ В БОЛЬШОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Очевидно, что международно-политические реалии, сложившиеся под воздействием происходящих глобальных трансформаций, инструментального кризиса на глобальном и региональном уровнях, перехода государств-лидеров к политике «интровертизма», не могли не оказать значительного влияния на Большое Средиземноморье. Необходимо подчеркнуть, что в течение достаточно длительного периода времени наибольшее воздействие на динамику региональных политических процессов оказывали два глобальных стейкхолдера – США и Евросоюз.

В этой связи важно отметить, что линия внешнеполитического поведения, которую Вашингтон имплементирует в рамках данного большого пространства, достаточно органично вписывается в американскую глобальную стратегию. В самом общем виде можно выделить две основные компоненты политики США в Большом Средиземноморье: с одной стороны, речь идет о геополитическом, геостратегическом и геоэкономическом измерениях конструирования американо-европейских отношений, а с другой – об оказании воздействия на ближневосточный политический процесс в соответствии с американскими национальными интересами.

Несомненно, данные компоненты политики Вашингтона являются достаточно обширными, и в их рамках можно выделить целый ряд дополняющих друг друга направлений. Более того, они не являются в самом полном смысле равнозначными. Так, поддержание необходимого уровня взаимодействия с европейскими государствами будет продолжать выступать в качестве императива внешней политики США в обозримой перспективе. В свою очередь, если говорить о ближневосточном измерении американской внешнеполитической стратегии, то Вашингтон также будет продолжать оказывать влияние на динамику политических процессов, протекающих в данном регионе, однако степень его вовлеченности будет напрямую зависеть от геополитической привлекательности Ближнего Востока в конкретный временной период.

Несмотря на все вышесказанное, внешнеполитическое поведение США в период президентства Д. Трампа отличается движением в сторону максимальной прагматизации, что вписывается в логику вышеупомянутого «политического интровертизма». Речь идет, например, об отказе от создания Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, о пересмотре характера отношений внутри Североатлантического альянса, равно как и о тренде сокращения американского присутствия на Ближнем Востоке, начатом еще в период президентства Б. Обамы. Важно отметить, что уменьшение глобальной составляющей во внешней политике США было вызвано целым рядом разнообразных причин, среди которых не последнюю роль сыграла внутри элитная борьба, породившая кризисы внутриполитического характера. В качестве одного из ответов на данные вызовы был взят курс на извлечение максимальных выгод из отношений с внешними партнерами и освобождение от «невыгодных» долгосрочных обязательств. Есть основания полагать, что в будущем ситуация может начать развиваться иначе (особенно в части развития трансатлантических отношений), однако скорость подобных изменений с большой долей вероятности будет значительно меньше, чем декларирует определенная часть американского и европейского истеблишмента.

В отличие от США, Евросоюз «частично» расположен в пределах Большого Средиземноморья. Как следствие, подобное географическое расположение диктует необходимость проведения активной внешней политики в рамках данного большого пространства. В этой связи необходимо сделать оговорку о том, что внешнеполитическое поведение Евросоюза следует рассматривать как на уровне интеграционного объединения в целом, так и на уровне его государств-членов. В свою очередь, когда мы говорим о еэсовской политике в пространстве Сре-

диземноморья, то подразумеваем, что особая роль в ее формировании и имплементации традиционно лежит на Франции, являющейся, наряду с Германией, одним из «локомотивов» евроинтеграции. Соответственно, не вызывает удивления то обстоятельство, что именно Париж выступил с инициативой создания Союза для Средиземноморья в рамках Евро-Средиземноморского партнерства, что подчеркивает важность данного большого пространства как для средиземноморских государств Евросоюза, так и для интеграционного объединения в целом.

Тем не менее, сегодня стало очевидным, что за достаточно длительный период времени ни Евросоюзу в целом, ни его отдельным государствам-членам так и не удалось выработать и реализовать достаточно количество действенных инициатив, которые бы позволили избежать дестабилизации ситуации в государствах Леванта и Магриба. Напротив, действия США и их европейских партнеров по НАТО на ближневосточном направлении привели, с одной стороны, к обострению существующего уже не одно десятилетие «старого» комплекса конфликтов и противоречий, а с другой – к появлению «нового» комплекса проблем, возникших в результате событий, порожденных «арабской весной». Как следствие, это обернулось крайне деструктивными последствиями для Евросоюза: повышением уровня террористической угрозы, миграционным кризисом, а также появлением генерированного ими комплекса проблем и противоречий.

Важно отметить, что параллельно начали возникать кризисные ситуации внутри Евросоюза. Речь идет, например, о сложном процессе выхода Великобритании из состава данного интеграционного объединения, о росте евроскептицизма и популизма, о «противостоянии» Вишеградской группы и Брюсселя, в том числе и по вопросам имплементации еэсовской политики в Большом Средиземноморье, равно как и о кризисах внутриполитического характера, произошедших в государствах-членах Евросоюза.

В результате обозначенных выше экстернальных и интернальных вызовов и угроз Евросоюз был вынужден перейти к политике «интровертизма», в то время как динамика политических процессов, происходящих в рамках данного большого пространства, предполагает обратную стратегию – активизацию усилий по преодолению «внешних» кризисов для минимизации генерируемых ими негативных последствий. Тем не менее, государства-лидеры Евросоюза выбрали иной приоритет – обеспечение устойчивости европейской интеграции, что неизбежно привело к сокращению глобальной компоненты во внешней политике данного интеграционного объединения и его госу-

дарств-лидеров. В обозримой перспективе изменение внешнеполитического поведения Евросоюза в сторону увеличения глобальной составляющей будет напрямую зависеть от того, насколько успешно и насколько быстро Брюссель сможет преодолеть внутренние и внешние кризисы, а также обрести институциональную устойчивость.

РОССИЯ И КИТАЙ КАК ГЛОБАЛЬНЫЕ СТЕЙКХОЛДЕРЫ В БОЛЬШОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Говоря о глобальных стейкхолдерах, преследующих собственные цели в Большом Средиземноморье, необходимо уделить внимание России и Китаю. Следует подчеркнуть, что после распада СССР Россия на достаточно длительный период времени самоустранилась от полномасштабного участия в политических процессах, происходящих в рамках данного большого пространства, а сфера ее интересов по большей части была ограничена постсоветским Причерноморьем. Однако на современном этапе мы можем наблюдать активизацию российской политики в Большом Средиземноморье. В первую очередь речь идет о ближневосточном направлении в целом и субрегионе Леванта, в частности. Что касается дальнейшего развития европейского направления внешней политики России, то оно значительно осложнено наличием санкционного/контрсанкционного режимов.

В попытке выявить основные внешнеполитические приоритеты Москвы в Большом Средиземноморье, можно прийти к выводу о том, что они заключаются, с одной стороны, в извлечении максимальных дивидендов из отношений с региональными партнерами, а с другой – в минимизации вызовов и угроз, генерируемых рядом государств данного большого пространства. Важно отметить, что российская внешнеполитическая стратегия в Большом Средиземноморье отличается высокой степенью выверенности и избирательности. Принимая во внимание тот факт, что Россией выбран курс на восстановление позиций, соответствующих ее статусу глобальной державы, можно ожидать дальнейшего наращивания российского влияния в рамках данного большого пространства. Тем не менее, нет основания полагать, что в краткосрочной перспективе произойдут какие-либо кардинальные «прорывы».

В данном контексте необходимо учитывать, что в сложившихся международно-политических условиях внешнеполитическая активность любого современного государства осуществляется с учетом всего комплекса вызовов и угроз, существующих как во внешнеполити-

ческом, так и во внутриполитическом измерениях, а также является строго подчиненной интересам внутреннего развития.

В последнее время мы также можем наблюдать активизацию политики Китая в Большом Средиземноморье. Несомненно, данный тренд вполне вписывается в китайскую глобальную стратегию, направленную на укрепление его статуса как международного центра силы. В этой связи необходимо сделать оговорку о том, что усиление влияния Пекина в рамках данного большого пространства следует рассматривать в первую очередь сквозь призму геоэкономики. Очевидно, что при сохранении существующих тенденций развития геоэкономическое измерение будет дополнено геополитическим, однако подобные «трансформации» не произойдут в одночасье. Более того, необходимо учитывать, что, несмотря на поистине глобальные устремления Китая, сегодня его основные усилия направлены на иные регионы и большие пространства.

Как уже было сказано выше, существующие международно-политические реалии, отличительной чертой которых является отсутствие общепринятых «правил игры» и «кодексов поведения», а также переход государств-лидеров к достаточно осторожной и максимально выверенной модели внешнеполитического поведения привели к значительным трансформационным сдвигам в отдельно взятых территориальных подсистемах. С одной стороны, подобные трансформации генерируют новые вызовы и угрозы, но с другой – открывают определенные возможности.

Речь идет о ситуации, когда основные глобальные стейкхолдеры демонстрируют стремление к сохранению статус-кво, а обладающие достаточными возможностями государства «среднего уровня», наоборот, преследуют цели повышения собственного статуса. Все это приобретает еще большую актуальность, когда подобные государства выбирают модель обеспечения институциональной устойчивости и достижения внутриполитического консенсуса через активизацию внешнеполитической деятельности. В результате складывается достаточно нетипичная и противоречивая картина, когда уже государства-лидеры вынуждены реагировать на изменения, инициированные государствами «среднего уровня». В этом смысле достаточно показательным является кейс Турции.

ТУРЦИЯ КАК ГОСУДАРСТВО «СРЕДНЕГО УРОВНЯ»: ПОПЫТКИ ФОРМИРОВАНИЯ «ЭЛИТАРНОЙ» ЗОНЫ В БОЛЬШОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Сегодня сложно найти государство «среднего уровня», которое бы проявляло большую активность в Большом Средиземноморье, чем Турция. Также важно отметить, что, несмотря на наличие разногласий в подходах и нестыковки интересов, существующие между Анкарой и основными глобальными стейкхолдерами, Турции удается довольно успешно реализовывать собственные инициативы как в рамках данного большого пространства, так и в неразрывно с ним связанных «примыкающих» регионах, таких как Южный Кавказ.

В частности, речь идет о глубокой вовлеченности Турции в ближневосточный политический процесс и растущем влиянии Анкары в Леванте, Магрибе и Персидском заливе, о сложностях в отношениях с Евросоюзом и том «опосредованном» воздействии, которое она оказывает на динамику политических процессов, происходящих в рамках данного интеграционного объединения, о заметной активизации деятельности на балканском направлении, а также о том влиянии, которое она оказывает на регион Южного Кавказа.

Как следствие, сегодня, например, достаточно сложно представить разрешение основных ближневосточных проблем без участия Анкары, учитывая, помимо прочего, роль Турции в рамках сирийского конфликта, степень ее вовлеченности в политические процессы, происходящие в Ливии, а также наличие турецко-катарского альянса. Важно отметить, что активизация деятельности Турции происходила в условиях, когда США и Евросоюз начали сокращать ближневосточную компоненту в своих внешнеполитических стратегиях, а Россия еще не успела полноценно «вернуться» на Ближний Восток.

Подобное можно сказать о европейском миграционном кризисе и связанном с ним повышении уровня террористической угрозы. На современном этапе трудно представить разрешение данных проблем без участия Турции. В свою очередь, Анкара использует миграционный кризис для оказания давления на Брюссель с целью извлечения политico-экономических дивидендов. Очевидно, что данное обстоятельство, вкупе с другими действиями турецкого руководства, не могло не привести к ухудшению отношений между Евросоюзом и Турцией. Опять же, подобная линия внешней политики была избрана Турцией в тот период, когда Евросоюз охватил беспрецедентный по масштабам кризис.

Наиболее ярким примером, характеризующим внешнеполитическое поведение Турции, является ее «противостояние» с Грецией в Восточном Средиземноморье. Не вдаваясь в подробности данного конфликта и посмотрев на ситуацию шире, можно обнаружить, что подобная линия внешнеполитического поведения государства-члена НАТО сильно бьет по репутации Североатлантического альянса как сообщества безопасности, члены которого сознательно отказываются от использования силовых методов разрешения конфликтных ситуаций. Несмотря на достаточно сдержанную позицию США, Вашингтон будет вынужден вмешаться в ситуацию, если будут пересечены «красные черты». В этой связи необходимо учитывать, что для США Североатлантический альянс продолжает оставаться важнейшим военно-политическим блоком, а Евро-Атлантика не теряла своего геостратегического значения еще со времен Н. Спайкмена. Более того, в США к власти пришла новая политическая элита, более приверженная трансатлантическому сотрудничеству.

Наконец, нельзя забывать о турецком воздействии на динамику армяно-азербайджанского конфликта вокруг Нагорного Карабаха. В данном случае действия Анкары привели к разморозке данного конфликта и изменению формата его урегулирования. Очевидно, что в подобном сценарии развития событий не были заинтересованы со-председатели Минской группы ОБСЕ – Россия, США и Франция, которые настаивали на невозможности разрешения существующих противоречий силовым путем. Как следствие, совместные действия Турции и Азербайджана вынудили Россию вмешаться в конфликт, выступить в качестве гаранта соблюдения режима прекращения огня и взять на себя ряд обязательств. В связи с этим можно предположить, что дальнейшая активизация деятельности Анкары в постсоветском Причерноморье, которое является традиционной зоной интересов Москвы, неминуемо вынудит Россию предпринять ответные шаги.

Таким образом, мы видим, что Турции удается последовательно реализовывать собственную стратегию в Большом Средиземноморье, хотя ее устремления по многим позициям противоречат интересам государств-лидеров. Очевидно, что данная стратегия является долгосрочной, а в качестве главной цели выбрано повышение собственного статуса в соответствии с амбициями нынешнего турецкого руководства. Тем не менее, полномасштабная имплементация подобной стратегии стала возможной в условиях, когда государства-лидеры перешли к реализации осторожной и максимально выверенной модели внешнеполитического поведения. В итоге это привело к тому, что на современном этапе Турция начала оказывать значительное воздей-

ствие на динамику процессов, происходящих в Большом Средиземноморье. Как следствие, глобальные стейкхолдеры были вынуждены «смириться» с вновь обретенным статусом Анкары.

ВЫВОДЫ

Важно отметить, что само по себе увеличение числа государств, оказывающих воздействие на региональные политические процессы, не несет в себе какого-то деструктивного потенциала. Напротив, отсутствие баланса сил в рамках определенного региона может обернуться крайне негативными последствиями. Таким образом, в существующих реалиях увеличение количества акторов, преследующих собственные «несогласованные» интересы в определенном регионе, может привести к нарушению статус-кво и разрушению и без того «хрупкой» региональной стабильности.

В этом контексте возникает вполне естественный вопрос о том, могут ли возникнуть условия, при которых глобальная держава расценит активность другого государства-лидера или государства «среднего уровня» как угрозу собственным интересам и перейдет к ответным действиям. Теоретически такая ситуация может возникнуть в рамках любой территориальной подсистемы. Если какое-либо государство начнет проводить слишком активную внешнеполитическую деятельность в зоне жизненно важных интересов другого, то это может привести к возникновению конфликтных ситуаций и обернуться катастрофическими последствиями для региона.

В этом случае все будет зависеть от того, были нарушены пределы «допустимого» или нет. Однако в постоянно меняющемся мире, в котором отсутствуют общепринятые «правила игры» и «кодексы поведения», происходит деградация системы договоренностей в сфере стратегической безопасности, не создаются адекватные современным реалиям средства/инструменты управления глобальными процессами, а динамика мировых политических процессов носит хаотичный характер, очень сложно определить, где пролегают те самые «красные линии».

Как следствие, в эпоху «глобального беспорядка» невероятно важно, чтобы в первую очередь государства-лидеры, создатели элитарных зон нашли «область согласия» и «область компромиссов», выработали основные направления глобального и регионального развития и не откладывали решение назревших мировых и региональных проблем в долгий ящик. Представляется, что, учитывая современные

тенденции развития мировой политической системы, это, скорее, из области желаемого, чем реального.

Список литературы

- Bull, H. (2002). *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. Basingstoke: Palgrave.
- Crosby, A. W. (1978). Ecological Imperialism: The Overseas Migration of Western Europeans as Biological Phenomenon. *The Texas Quarterly*, (21).
- Driessen, P. (2003). *Eco-Imperialism: Green Power, Black Death*. Bellevue: Free Enterprise Press.
- Ikenberry, G. J. (2011). *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton: Princeton University Press.
- Ikenberry, G. J. (2019). *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars*. Princeton: Princeton University Press.
- Mearsheimer, J. J. (2018). *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven: Yale University Press.
- Бауман, З. (2004). *Глобализация: Последствия для человека и общества*. Москва: Весь мир.
- Бауман, З. (2008). *Текущая современность*. Санкт Петербург: Питер.
- Бауман, З. (2011). *Текущая модерность: взгляд из 2011 года*. Получено из: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman>
- Бек, У. (2012). Жизнь в мировом обществе риска: космополитический поворот. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, (5). Получено из: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-v-mirovom-obschestve-riska-kosmopoliticheskiy-povorot>
- Емузова, Э. А. (2018). *Монетарные отношения как политический инструмент формирования мирового порядка*. Москва: Миракль.
- Емузова, Э. А. (2020). *Монетарные отношения как политический инструмент формирования мирового порядка*. Дисс. доктора полит.н. Пятигорск.
- Закария, Ф. (2009). *Постамериканский мир будущего*. Москва: Европа.
- Киссинджер, Г. (2017). *Мировой порядок*. Москва: АСТ.
- Косов, Г.В., Харламова, Ю.А., & Нефедов, С.А. (2006). *Экopolитология: политология в контексте экологических проблем*. Москва: А-Приор.
- Косов, Г. В., Панин, В. Н., Станкевич, Г. В., Волочаева, О. Ф., Горбунова, М. А., Гусев, Г. Г., Потапов, В. А., & Ширяев, В. А. (2014). *Политизация религиозного фактора в контексте региональной безопасности: северокавказская проекция*. Москва: Миракль.
- Купер, Р. (2010). *Раздор между народами: порядок и хаос в XXI веке*. Москва: Московская школа политических исследований.

- Маркелов, К. А., & Головин, В. Г (2020) Большой Каспий в системе природно-геополитических координат. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, (2), 30-38.
- Муази, Д. (2010). *Геополитика эмоций: как культуры страха, унижения и надежды преображают мир*. Москва: Московская школа политических исследований.
- Хаас, Р. (2019). *Мировой беспорядок*. Москва: АСТ.
- Хантингтон, С. (2003). *Столкновение цивилизаций*. Москва: АСТ.
- Цыганков, П. А. (2014). *Политическая динамика современного мира: теория и практика*. Москва: МГУ.
- Шлюндт, Н. Ю., & Емузова, Э. А. (2019). Финансовые санкции как инструмент международного влияния: тенденции развития и пути повышения политической эффективности. *Современная наука и инновации*, (4), 232-239.

References

- Bauman, Z. (2004). *Globalization: Consequences for Man and Society*. Moscow: Vesmir (In Russian).
- Bauman, Z. (2008). *Fluid modernity*. Saint Peterburg: Peter. (In Russian).
- Bauman, Z. (2011). *Fluid modernity: a view from 2011*. Retrieved from: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman> (In Russian).
- Beck, W. (2012). Living in a global risk society: a cosmopolitan turn. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political sciences*, (5). Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-v-mirovom-obschestve-riska-kosmopoliticheskiy-povorot> (In Russian).
- Bull, H. (2002). *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. Basingstoke: Palgrave.
- Cooper, R. (2010). *Strife among nations: order and chaos in the 21st century*. Moscow: Moscow School of Political Research. (In Russian).
- Crosby, A. W. (1978). Ecological Imperialism: The Overseas Migration of Western Europeans as Biological Phenomenon. *The Texas Quarterly*, 21.
- Driessen, P. (2003). *Eco-Imperialism: Green Power, Black Death*. Bellevue: Free Enterprise Press.
- Emuzova, E. A. (2018). *Monetary relations as a political tool for the formation of the world order*. Moscow: Mirakl. (In Russian).
- Emuzova, E. A. (2020). *Monetary relations as a political tool for the formation of the world order. Diss. Doctor of Political Science*. Pyatigorsk. (In Russian).
- Haas, R. (2019). *World Disorder*. Moscow: AST. (In Russian).
- Huntington, S. (2003). *The Clash of Civilizations*. Moscow: AST. (In Russian).

- Ikenberry, G. J. (2011). *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton: Princeton University Press.
- Ikenberry, G. J. (2019). *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars*. Princeton: Princeton University Press.
- Kissinger, G. (2017). *World Order*. Moscow: AST. (In Russian).
- Kosov, G.V. et al. (2014). *Politicization of the religious factor in the context of regional security: a North Caucasian projection*. Moscow: Mirakl. (In Russian).
- Kosov, G. V., Kharlamova, Yu. A., & Nefedov S. A. (2006). *Ecopolitology: Political Science in the Context of Environmental Problems*. Moscow: A-Prior. (In Russian).
- Markelov, K. A., & Golovin, V. G. (2020). The Big Caspian in the system of natural and geopolitical coordinates. *Bulletin of the Tula State University. Humanitarian sciences*, (2), 30-38. (In Russian).
- Mearsheimer, J. J. (2018). *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven: Yale University Press.
- Muazi, D. (2010). *The Geopolitics of Emotion: How Cultures of Fear, Humiliation, and Hope Transform the World*. Moscow: Moscow School of Political Studies. (In Russian).
- Schlundt, N. Yu., & Emuzova, E. A. (2019). Financial sanctions as a tool of international influence: development trends and ways to increase political efficiency. *Modern Science and Innovations*, (4), 232-239. (In Russian).
- Tsygankov, P. A. (2014). *Political dynamics of the modern world: theory and practice*. Moscow: MGU. (In Russian).
- Zakaria, F. (2009). *The Post-American World of the Future*. Moscow: Europe (In Russian).